

УДК 009

Е. В. Кизюн

Т. А. Кемерова

Екатеринбург, Россия

КУЛЬТУРНАЯ МИССИЯ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ В ХАРБИНЕ

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется культурная миссия эмигрантов из России и ее роль в сохранении русских традиций на примере Харбина как центра русской эмиграции на Востоке. Приводятся данные из семейного архива, связанные с жизнью в Китае.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: революция, Харбин, традиции, культурная миссия, эмиграция, архив, культурная среда

E. V. Kizyun

T. A. Kemerova

Yekaterinburg, Russia

CULTURAL MISSION OF RUSSIAN EMIGRANTS IN HARBIN

ABSTRACT. The article analyzes the cultural mission of emigrants from Russia, and its role in preserving Russian traditions on the example of Harbin as the center of Russian emigration in the East. Data from the family archive related to life in China are given.

KEYWORDS: Revolution, Harbin, traditions, cultural mission, emigration, archive, cultural environment

В постсоветский период в науке достаточно часто обращаются к опыту русских эмигрантов, уехавших на Запад. Действительно, этот слой высокообразованных интеллектуалов оставил след в философии, в литературе, в искусстве и других сферах. Однако не стоит забывать, что эмигрирующие на Восток также участвовали в сохранении русских традиций, поддержании качественного образования и развитии культурной жизни населения. Справедливость данного утверждения можно показать на примере истории Харбина как центра русской эмиграции на Востоке.

Харбин – город на северо-востоке Китая, основанный в 1898 году русскими строителями и служащими КВЖД. Одна из причин, по которой эмигранты приезжали именно туда, заключалась в том, что эта территория была уже освоена русскими, следовательно, в городе имелся опыт совместного проживания и деятельности двух разных народов. Кроме людей,

имеющих непосредственное отношение к железной дороге, к моменту прибытия эмигрантов из рушащейся империи, здесь находились и жертвы русско-японской войны. Так что Харбин по праву назывался в то время «русским городом». Как пишет В.П. Петров, русско-американский писатель и историк, «русские были хозяевами в полосе отчуждения, и поэтому даже не стремились изучать язык страны, в которой они жили» [6, с. 18]. Революция, падение Империи, провозглашение власти Советов и Гражданская война были толчком для оттока граждан из страны. Прилив беженцев и белогвардейцев в Харбин пришёлся на 1919 год, после отступления армии Колчака в Сибири. Так, русское население Харбина, по данным В.П. Петрова, увеличилось в это время до двухсот тысяч человек [6, с. 21]. К.Е. Ситниченко так описывает состав прибывших из России: «Войска Белой Армии, разбитые большевиками, уходили в Манчжурию. Следом прибывали гражданские лица – дворяне,

чиновники разных рангов, казаки, купцы, интеллигенция и даже крестьяне» [8, с. 227]. Уже в 1920 году русское население в Китае потеряло своё гражданство, т. к. консульство Российской империи прекратило своё существование. После 1922 года, когда Красная армия заняла Владивосток, в Харбин приезжает последняя волна беженцев. Далее, в 1924 году численность населения увеличилось за счёт новых советских специалистов из СССР, ведь теперь на КВЖД могли работать только советские и китайские граждане [9, с. 1]. А после продажи дороги японскому марионеточному государству Маньчжоу-го в 1935 году из Китая в СССР были вывезены тысячи русских харбинцев, многих из которых ожидала ужасная участь в сталинских лагерях. Чистки продолжились и после 1945 года, а к середине 1960-х (в преддверии кровавой «Культурной революции») русского населения в Харбине почти не осталось.

Русская эмиграция на Востоке пережила много нелёгких событий, однако она не отступала от своей миссии: сохранить русскую культуру и традиции и передать их потомкам. Прапрауродственники одного из авторов данной статьи также оказались не в стороне от происходящего: Глушко Фёдор Денисович и Августа Кузминична пешком перешли границу в 1922 году и осели в Чунцине, а после их судьба переплелась с Харбином. Всю свою жизнь они помнили и любили Россию и мечтали вернуться на Родину. Их дети родились уже в Китае, однако гордо называли себя русскими. Так, их опыт подтверждает наблюдение А. Плотниковой, что «носителями культурной памяти становятся уже не обязательно современники тех или иных актуальных событий» [7, с. 323]. Их сын, Пётр Фёдорович, имел трёх дочерей, которые, в свою очередь, воспитывались в русских традициях, хотя и были полностью интегрированы в китайскую культуру (ходили в китайский детский сад, общались с няньками, учителями, любили китайскую еду, свободно говорили по-китайски и т.п.). Их «бабуся» (так они ласково назы-

вали Августу Кузминичну) очень расстраивалась, что девочки мало говорят по-русски, ведь язык по праву считается основой культуры.

Действительно, ещё И.Г. Гердер в 1784 году писал о прочной связи языка и культуры в своём монументальном труде «Идеи к философии истории человечества». Кроме того, как отмечает С. Г. Тер-Минасова, «язык – зеркало культуры, в нем отражается ... общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мир» [10, с. 13]. Так, язык стал одним из главных защитных факторов культуры в русском Зарубежье. Лекции в университетах читались на русском языке, в доме даже «бои» (прислуга) говорили на русском языке; кроме того, выходила специальная русская газета. Всё способствовало тому, чтобы сохранить «русскую речь, великое русское слово» [1].

Русские традиции сберегались и на бытовом уровне. Это проявлялось в обустройстве интерьера и экстерьера дома, приготовлении привычной пищи и пр. Многие окружали себя и памятными вещами, вывезенными из России. Но ещё сильнее были духовные традиции; ведь простительно было иметь у себя дома, например, китайские салфетки с вышитым тигром, а вот не пойти в воскресенье в церковь – серьёзное отклонение от русской культуры. Эмигранты, как и у себя на родине, отмечали Рождество, Пасху и другие церковные праздники. Как говорилось в фильме Н. С. Михалкова «Русские без России», русские семьи снимут с себя последние украшения, но Рождество отпразднуют [3].

В Харбине работало несколько духовных учреждений: Никольский собор, Иверская церковь, Покровская церковь и Софийский собор и ещё около 18 храмов. Вот как пишет К.Е. Ситниченко о роли русской православной церкви: «Православная церковь поддерживала внутреннее душевное настроение человека на чужбине, рассматривая духовную составляющую, осознание Духа внутри себя как ос-

нову христианства» [8, с. 280]. Церковь была не только привычным знаком из прошлого, отражающим важную часть русской культуры, но и опорой для оказавшихся в ситуации глубочайшего кризиса и потерянности. Она объединяла людей разного социального положения и давала надежду. Примечательно то, что родственники автора, будучи верующими людьми, вернувшись на Родину, сохранили свои религиозные убеждения, ведь они играли роль спасательного круга в хаосе исторических событий.

Многие отдавали все свои силы науке, основываясь на базе российского образования, дававшего возможность плодотворно заниматься наукой. Особо славились Политехнический, Педагогический и Коммерческий университеты. Помимо вузов в Харбине функционировали техникумы, гимназии и школы. Уже упомянутый Пётр Фёдорович был младшим сыном в семье, и именно ему выпала честь поехать в Харбин на обучение в Политехническом университете на коммерческом факультете. Затем он преподавал в родном ему городе Чунцине русский язык. Харбинский Политехнический университет до сих пор входит в десятку лучших университетов Китая, и этим он обязан русским профессорам-эмигрантам. Если говорить о науке эмигрантов, то можно выделить «юристов Г. К. Гинс, Н. В. Устрялова, экономистов М. Н. Ершова, Н. И. Морозова, сиологов И. С. Баранова, Г. Г. Авенариуса, учёных и исследователей: Э. Э. Энерт, Т. В. Бутова, Б. М. Велимировича, М. К. Гордеева, В. Я. Толмачёва, А. П. Хионина, П. В. Шкуркина и многих других вошли в историю Маньчжурии и Китая» [8, с. 280].

Невозможно не отметить и традиции русской предпринимательской культуры. В то беспокойное время в разрушенной России не было никакой возможности проявить свой талант предпринимателя. Вот как описывает благоприятную для частных дел среду Р.Ф. Пиотровский в фильме «КВЖД 110 лет. Русские в Харбине»: люди начали открывать салоны красоты, курсы изучения иностранных языков,

машинописи и пр. [4] Двери Маньчжурии и Китая были широко открыты людям с деловой хваткой, тому свидетельством знаменитая компания «Чурин и Ко», основанная иркутскими купцами. Она была открыта ещё в 1900 году, а во время русской революции и позднее российские филиалы были уже ликвидированы. Так, на волне эмиграции в Харбин фирме пришлось расширяться в Маньчжурии и вплоть до 1940-х годов (когда в ее деятельность вмешались японцы, а затем и СССР) «Чурин и Ко» пользовались огромной популярностью и славились своим качеством [2].

Но, наверное, одним из ярких проявлений сохранения русского дореволюционного уклада жизни было поддержание культурного уровня в самом городе. Как пишет К.И. Новосельский, «смею утверждать, что ни один собственно российский город не обладал столь высокой концентрацией, интенсивностью и взлетом культуры, которая непрерывно и спокойно развивалась в Харбине на протяжении примерно 40 лет. Пели Нежданова, Лемешев, Обухова, Шаляпин, Вертинский, лучшие голоса Италии. Именно отсюда “есть пошел” джазовый биг-банд Олега Лундстрема. Можно было выбирать между симфоническим и струнным оркестрами и тремя консерваториями» [5, с. 1]. Город даже имел своего русского поэта, А.И. Неселова, который воспевал Харбин в стихотворениях. Н.С. Михалков в фильме «Русские без России» даёт следующую характеристику культурной среде города: «артисты попадали в мир относительной свободы и изобилия, русский Харбин принимал гостей радушно и даже трепетно» [3]. В Харбине гастролировали и западноевропейские артисты, прибывавшие из европейских центров русской эмиграции.

Следует сказать и о внешнем виде пристанища для эмигрантов. На первый взгляд Харбин можно было принять за обычный уездный русский город. Бурные эмоциональные высказывания по поводу облика города можно найти в романе Евгения Анташкевича «Харбин». Действи-

тельно, построенный русскими Харбин тогда сильно напоминал другие обычные города Российской империи. Свидетельством тому слова К. И. Новосельского: «Большинство зданий в Новом городе и в районе пристани построено по планам русских архитекторов: русские православные церкви <...> и деревянные дома, такие же, как где-нибудь в Омске, создавали впечатление, как будто находишься не в Маньчжурии, а где-нибудь в центре Сибири. Русскими были и реклама, и названия улиц, и говор на улице» [5, с. 1].

Таким образом, русская эмиграция, живя в прошлом как в актуальном настоящем, выполнила свою культурную миссию, а именно: сохранила черты русской дореволюционной культуры в сложный период истории в языке, в образовании, в духовных традициях, в предпринимательской деятельности, в культурной среде и внешнем облике города Харбина. Многие из представителей харбинской диаспоры впоследствии вернулись в Россию и принесли с собой эмигрантскую культуру.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахматова А. А.* Мужество. – URL: <http://www.stihi-rus.ru/1/Ahmatova/76.html>
2. История торговой империи «ЧУРИН И Ко» // Исторический портал города Владивостока и Приморья. – URL: <http://oldvladivostok.ru/articles/?a=259>
3. *Михалков Н.С.* Русские без России. Цикл документальных фильмов. – URL: <http://www.videorusi.ru/publ/10-1-0-400>
4. *Никитина Н.* Русские волны. Авторская программа. – URL: <http://iks2010.info/?p=655>
5. *Новосельский К. И.* Харбин – «Атлантида» русской культуры. – URL: <http://lib.icr.su/node/2439>
6. *Петров В. П.* Город на Сунгари. – Вашингтон: Рус.-амер. ист. об-во, 1984. – 260 с.
7. *Плотникова А. А.* Роль общественных организаций в сохранении культурной памяти (на примере самоорганизации российских немцев) // Культурная память и культурная идентичность: мат-лы Междунар. научн. конф. (XI Колосницынские чтения), 25 марта 2016 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – С. 322–326.
8. *Ситниченко К. Е.* Россия и Китай: культурный диалог (на примере эмиграции «первой волны») // Россия и Восток: культурные связи в прошлом и настоящем: мат-лы Междунар. научн. конф. (IX Колосницынские чтения), 16-17 апр. 2014 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. – С. 277–281.
9. Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Кит. Респ. – Пекин: Б. и., 1924.
10. *Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.